

Юрочкин В.Ю.

“ГОТСКИЙ ВОПРОС” В СОВЕТСКОЙ НАУКЕ 20-Х ГГ. XX В.

Рассматривается период развития археологической науки в СССР, связанный с формированием проблемной ситуации вокруг так называемого “готского вопроса” в истории Крыма. В истории изучения “готского вопроса” отразились не только объективные факторы развития археологической мысли, но и внешние влияния со стороны общественно-политической жизни СССР.

Ключевые слова: Крым, Феодоро, готы, археологическая наука.

Тема крымских готов в советской исторической и археологической науке, особенно в послевоенный период, мягко говоря, не приветствовалась. Вокруг так называемого “готского вопроса” сформировалось много мифов, многие из них существуют по сей день.

Краткие историографические обзоры, обычные в научных публикациях, дают лишь самые общие сведения об исследователях, о выдвигавшихся гипотезах, этапах изучения памятников. Не секрет, что наука – крайне персонифицированная область знания, притом развивающаяся в определенных общественно-политических условиях, в условиях борьбы и конкуренции отдельных личностей и научных сообществ. Сейчас история “науки в лицах” приобретает все большее значение, выделяется в отдельное направление. Пример тому – недавние работы Л.С. Клейна, Г.С. Лебедева, Н.И. Платоновой, И.В. Тункиной, А.А. Формозова и др., посвященные истории археологии и археологической мысли. Вместе с тем это направление позволяет более глубоко и объективно оценить сущность явлений и научных идей, понять субъективные истоки “историографического мифотворчества”. К числу таких неоднозначных явлений относится и “готский вопрос”. О некоторых страницах его истории и пойдет речь.

В историографии XIX в. “готского вопроса”, в общем-то, не существовало. История крымских готов изучалась наравне с другими народами, населявшими полуостров. К началу XX в. были локализованы основные исто-

рико-географические пункты, представлена история Крымской Готии, основанная преимущественно на нарративных источниках [Колтухов, Юрочкин, 2004, с. 100-102; Заморяхин, 2007]. Раннесредневековые варварские украшения и аксессуары костюма, найденные в катакомбах на г.Митридат в Керчи, были охарактеризованы как “готский стиль” и считались прообразами изделий германцев Европы, занесенными готами на Запад при движении из Северного Причерноморья [Вауе, 1891; Штерн, 1897]. Апогеем стало открытие в начале XX в. молодым сотрудником Императорской археологической комиссии Н.И. Репниковым раннесредневекового могильника Суук-Су близ Гурзуфа в “области крымских готов” [Репников, 1906; Репников, 1907]. Находки из Суук-Су вызвали фурор среди европейских археологов, а Суук-Су на многие годы стал эталонным памятником готской культуры. В этот период изучение крымских готов не выходило за рамки чисто научных штудий. Положение изменилось к началу 30-х гг. XX в., что обусловлено не столько объективным развитием науки, сколько субъективными внешними факторами.

После революционных событий 1917 г. ведущее археологическое учреждение страны было реформировано. Вместо Императорской археологической комиссии весной 1919 г. декретом Совнаркома была учреждена Российская Академия истории материальной культуры – РАИМК, в последствии ГАИМК [Платонова, 1989, с. 6-7]. Во главе Академии

встал Николай Яковлевич Марр (1864-1834), филолог, археолог-востоковед, неустанный организатор науки, пользовавшийся авторитетом и среди ученых коллег и у новой власти [Платонова, 1998, с. 371-372; Алпатов, 1991, с. 28; Лебедев, 1992, с. 421.]. У истоков преобразований археологической науки, среди прочих, стояли М.И. Ростовцев и А.А. Васильев, исследовательские направления которых были тесно связаны с “готским вопросом”.

Профессор Петроградского университета Михаил Иванович Ростовцев (1870- 1952) известен не только как выдающийся историк античности (Зуев, 1997; Тункина, 1997). Особое значение имеют его труды, раскрывающие роль ираноязычных варваров (скифов и сарматов) в формировании оригинального искусства и культуры Северного Причерноморья. В период политических потрясений он завершил работу над фундаментальной монографией “Исследования по истории Скифии и Боспорского царства”, которую под названием “Скифия и Боспор” удалось напечатать лишь в 1925 г. [Ростовцев, 1925]. А в 1918 г. в революционном Петрограде в серии “Круг знания” вышел ее популярный реферативный вариант “Эллинизм и иранство на Юге России” [Ростовцев, 1918]. Поскольку хронологические рамки исследования ограничивались III-IV вв., автор специально не рассматривал последующую эпоху и присущий ей “готский стиль”. Но обойти его также не мог, поскольку был убежден: этот стиль на Боспоре является не чем иным как развитием полихромного варварского ювелирного искусства, сложившегося под влиянием вкусов сарматов, продвигавшихся из Прикубанья через Тамань на Керченский полуостров. Потомки этих сармат, писал М.И. Ростовцев “с собою понесли (в Европу – В.Ю.) свои вкусы, свою культуру, свои любимые формы, вещи сарматского типа, целые типичные погребения, мы находим и в Австрии и далее в далекой Нормандии” [Ростовцев, 1918, с. 138-139]. Михаил Иванович был сторонником направления, объяснявшего возникновение новых культур слиянием и творческим развитием культур прежней эпохи, которое Л.С. Клейн характеризует как “комбинационизм” [Клейн, 1993, с. 17]. В работах Ростов-

цева речь шла, прежде всего, о полихромных украшениях т.н. “готского стиля” [Штерн, 1897] из керченских захоронений “типа госпитальной улицы” [Спицын, 1905], а не изделиях раннего германского звериного стиля Б. Салина [Salin, 1904], к которому принадлежали предметы из могильников “области крымских готов”. Ростовцев никогда не отрицал присутствия готов на Боспоре и не отстаивал исключительную роль сарматов, а полагал: новый стиль “вместе с сарматами, а затем с готами, утвердившимися в III в. по Р.Х: в пределах Боспорского царства и вобравшими в себя элементы греко-сарматской культуры Боспора, распространился по всей Западной Европе в эпоху раннего средневековья” [Ростовцев, 1925, с. 617]. Тем самым он позиционировал себя как сторонник миграционизма. Из позднейших работ становится очевидным, что под “сарматами” ученый имел в виду аланов, которые “стали смешиваться с германцами, или, скорее всего, вошли в состав гото-аланского царства на юге России..., а Пантикапей превратился в гото-сарматский город” [Ростовцев, 1993, с. 94].

Вскоре Ростовцев под видом научной командировки навсегда покинул Россию. В СССР имя “буржуазного эмигранта” стало предметом критики, но его “сармато-аланская” версия происхождения “готского полихромного стиля” была не только воспринята, но и стала базой последующего переосмысления “крымско-готского вопроса”.

Александр Александрович Васильев (1867-1953) – тогда профессор Петроградского университета, в отличие от М.И. Ростовцева на первых порах остался в России. Избранный в 1919 г. членом-корреспондентом РАН, после образования РАИМК он возглавил разряд “Археологии и искусства древнехристианского и византийского”, в задачи которого среди прочего входило историко-археологическое изучение Крымской Готии, Херсонеса и Тмутараканского княжества [Куклина, 1995, с. 311]. В составе разряда работали Д.В. Айналов, Н.В. Малицкий, Н.П. Лихачев, Е.Ч. Скржинская и др. С 1920 г. сюда была зачислена молодая сотрудница – Мария Александровна Тиханова (1898-1981), сформировался “Крымский комитет”.

В постреволюционной России А.А. Васильев, ученик академика Василия Григорьевича Васильевского (1838-1899), по праву признавался ведущим византинистом страны. В 1921 г. в Известиях РАИМК публикуется первая часть задуманного Васильевым обширного сочинения “Готы в Крыму” [Васильев, 1921]. Основанное исключительно на письменных источниках, оно было выдержано в лучших традициях дореволюционной российской исторической науки (Заморяхин, 2005). После демократической революции и Версальского мира Германия уже не представляла угрозы для России. Отношения между странами заметно оживились. Более того, известный германист Ф.А. Браун, в 1920 г. по болезни перебравшийся из Петербурга в Лейпциг, активно сотрудничал с советским правительством и лично с Н.Я. Марром, предлагая применить его яфетическую теорию к происхождению германцев [Тункина, 2000].

Казалось, карьера ученого в СССР складывалась вполне благополучно, но в 1925 г. А.А. Васильев принял приглашение Висконсинского университета и навсегда остался в Америке. Вначале его отъезд считался научной командировкой, поэтому нет ничего удивительного в том, что вторая часть “Готов в Крыму” была опубликована в 1927 г. в ведущем археологическом издании СССР [Васильев, 1927].

По поручению Антропологического института при МГУ в 1924-1925 гг. в Крыму работал ученый-этнограф Борис Александрович Куфтин (1892-1953). Чрезвычайно интересные результаты дали наблюдения над традиционными постройками горной части Бахчисарайского района (бывшей территории княжества Феодоро). Здесь он отметил тип срубного деревянного жилища с двускатной крышей. Его происхождение Куфтин объяснял северными традициями домостроительства, в частности распространенными у славян и германцев. Из их числа именно готы выступали наиболее вероятными претендентами. Убежденность подкреплялась еще и тем обстоятельством, что основание дома и несущую балку татары называли “разан”. Это слово не находило объяснения в тюркском, но

демонстрировало явное сходство с готским “*raizn*” – “дом” [Куфтин, 2005, с. 541, 557].

Как видно готская тематика в научных исследованиях начала 20-х годов присутствовала, но находилась в области исторических и этнографических штудий. Для возобновления археологического изучения “области крымских готов”, был необходим некий толчок. Примечательно, что среди сотрудников научных учреждений этого времени не встречается имя родоначальника крымско-готской археологии – Н.И. Репникова (1882-1940). Нет, Николай Иванович не эмигрировал за границу. Он по-прежнему жил в Петрограде, зарабатывая на жизнь торговлей в книжном киоске. Не имея ни ученых званий, ни влиятельных покровителей Репников, по-сути, остался за бортом академической науки. В 1924 г. ему все же удалось получить более или менее сносную должность преподавателя истории культуры и искусства в Петроградском фототехникуме. Для него это был шанс вернуться в археологию. В 1926 г. Репников организует студенческую поездку в Крым, ведет переговоры с руководством Херсонесского музея, где его знали и ценили [Герцен, 2008, с. 312].

В это время у него появляется возможность актуализировать “готский вопрос”, привлечь внимание к нему, да и к себе тоже. В соответствии с духом времени в основе должна была лежать некая новаторская, революционная идея, способная взбудоражить академические умы. Так родилась концепция “нового Дороса”. Как известно с последней четверти XIX в., благодаря работам Ф.К. Бруна (1804-1880) “столицу готских конунгов” – Дорос-Феодоро однозначно локализовали на Мангупском городище [Брун, 1880]. Однако начавшееся перед Первой мировой войной археологическое изучение памятника оставляло много вопросов. Свое негативное отношение к деятельности Р.Х. Ленера (1864-1918) на Мангупе Репников не скрывал. Его он унаследовал от своего крымского наставника А.Л. Бертъе-Делагарда (1842-1920) [Герцен, 2008, с. 115-118]. Николай Иванович не возражал: поздневизантийские руины принадлежат столице феодоритов, но был ли это первоначальный центр Готии – раннесредневековый Дорос?

Неподалеку находился не менее впечатляющий “пещерный город” Эски- Кермен, фактически не затронутый исследованиями. В 1924-1927 гг. здесь под руководством Павла Петровича Бабенчикова (1882-1947) работали сотрудники Севастопольского музея краеведения [Бабенчиков, 1939, с. 22]. В их числе свою археологическую практику начал восемнадцатилетний выпускник техникума - Евгений Владимирович Веймарн (1905-1990) [Пиоро, 1990, с. 144]. Кроме того, городище с начала 20-х гг. входило в сферу научных интересов заведующего археологическим отделом Центрального музея Тавриды Николая Львовича Эрнста (1889-1956) [Филимонов, Храпунов, 1996; Непомнящий, 2006, с. 155-157]. Но Н.Л. Эрнст, ограничившийся сбором подъемного материала и осмотром храмовых фресок, полагал, что эски-керменские артефакты датируются не ранее X в. [Эрнст, 1929, с. 28].

Н.И. Репников был прекрасным археологом-полевиком, воспитанным в лучших традициях старой “эмпирической” школы. Но в поисках “раннего Дороса” он решил проявить себя как историк. Правда, повел себя в стиле, характерном для археологической мысли первой половины XIX в., когда свидетельства древних авторов проецировались на наиболее значимые памятники. Николай Иванович выдвинул гипотезу: Эски-Кермен и расположенная неподалеку башня Кыз-Куле соответствуют описаниям так называемой “Записки топарха”. Упомянутый топарх организовал оборону области Климатов (отождествляющуюся с Готией) от варваров (хазар). Если главный город готских Климатов расположен на Эски-Кермене, рассуждал Репников, тогда это и есть подлинная, первоначальная столица Готии – Дорос. В настоящее время “Записка” считается позднейшей подделкой, но в XIX – начале XX в. этот документ пользовался большой популярностью как источник по ранней истории взаимоотношений Таврики и Руси [Харитонов, 2004, с. 107-117].

Идея открытия древнейшей столицы готов буквально заворожила Репникова, посвятившего десять лет жизни на доказательство своей правоты. Вероятно, он пытался предложить свою оригинальную гипотезу Крымскому комитету ГАИМК, но понимания не встре-

тил [Репников, 1932, с. 139, 143]. Здесь держались традиционного мнения о локализации Дороса на Мангупе. Все это привело лишь к напряженным, отнюдь не партнерским отношениям, равно как и с Н.Л. Эрнстом, претендовавшим на приоритет в исследовании Эски-Кермена. На стороне ГАИМК оказался и патриарх крымского краеведения – Арсений Иванович Маркевич (1855-1942) [Непомнящий, 2006, с. 152]. Поддержку Н.И. Репников нашел в лице директора Херсонесского музея – Константина Эдуардовича Гриневича (1891-1970). Новаторские идеи и творческая активность сорокадвухлетнего Репникова не могли оставить его равнодушным. Гриневич рекомендовал “изгоя” известному художнику Игорю Эммануиловичу Грабарю (1871-1960), возглавлявшему тогда Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ) в Москве. Уже летом 1927 года Репников, как научный сотрудник ЦГРМ, получает Открытый лист и обследует Мангуп, Сюреньское укрепление и Эски-Кермен [Теркель, 2008, с. 322].

Между тем постоянное пребывание Репникова не по месту работы (то в Крыму, то в Ленинграде), позволили сменившемуся руководству Главнауки поставить вопрос о целесообразности дальнейшей его службы в ЦГРМ. Но ученый не собирался сдаваться.

Осенью 1928 г. после завершения экспедиции на Эски-Кермене Репников поделился своими идеями с корифеем российской археологии членом- корреспондентом АН Александром Андреевичем Спициным (1858-1931). Тот в свою очередь привлек к этому внимание давнего друга, известного историка академика Сергея Федоровича Платонова (1860-1933). Последний сообщил о “новой столице Готии” в Лейпциг – Ф.А. Брауну [Исповедь узника ОГПУ, 1992, с. 123-124], к тому времени уже прервавшему общение с Н.Я. Марром [Тункина, 2000, с. 389-390]. Браун информировал немецких коллег, а те подняли вопрос о совместных работах для решения “готской проблемы” [Теркель, 2008, с. 325-326]. Интерес к теме подогрел и сделанный в Германии доклад сотрудника Музея антропологии и этнографии (МАЭ) Г.И. Петрова. Он, как участник работ 1928 г., утверждал, что антрополо-

гический тип татар – жителей соседствующей с городищем деревни Черкес-Кермен, вобрал в себя этнические признаки народов не только Кавказа и Турции, но и Северной Европы, т.е. готов [Петров, 1929, с. 296-297]. Тема особенно заинтересовала директора Национального музея этнографии в Мюнхене, председателя “Общества по изучению Восточной Европы” профессора Берлинского университета Фридриха Шмидт-Отто [Исповедь узника ОГПУ, 1992, с. 124; Формозов, 1998, с. 193].

Резонанс в международном масштабе не заставил себя долго ждать. Академия наук (АН) в лице С.Ф. Платонова, оказавшись в негласном противостоянии с ГАИМК, стремилась закрепить за собой приоритетное направление. Академик Платонов сознавал открывавшиеся перспективы, выступив в 1929 г. с предложением образования в АН “Готской комиссии” и проведения экспедиции с привлечением германских коллег [Теркель, 2008, с. 327-330; Непомнящий, 2006, с. 159], но, естественно, без участия ГАИМК. В связи с отъездом А.А. Васильева и всепобеждающей активностью Н.И. Репникова, действовавшего теперь под эгидой АН, приоритет в крымско-готском вопросе явно ускользал из поля деятельности ГАИМК. Это конечно оскорбляло сотрудников византийского разряда [Теркель, 2008, с. 326].

Для советской исторической науки это был сложный и противоречивый период. В стране обострились гонения на представителей “старой школы”, не желавших воспринимать марксистское мировоззрение. В конце 1928 г. после газетной истерии пост заместителя председателя ГАИМК покинул академик С.А. Жебелев. Н.Я. Марру ничего не оставалось, как просить назначить себе в помощники партийного выдвиженца, хотя бы отдаленно имеющего отношение к науке. Таковым оказался Федор Васильевич Кипарисов (1896-1936) – филолог по образованию. Бывший профсоюзный деятель высокого ранга – Кипарисов был отправлен на “научный фронт” с понижением, за связь с оппозицией [Формозов, 1996, с. 199]. В том же году в Ленинград из Тихвина переезжает провинциальный краевед Владислав Иосифович Равдоникас (1894-1976) в прошлом – ученик А.А.

Спицына по Петербургскому университету, участник Октябрьской революции. Кто был инициатором переезда Равдоникаса в научную столицу страны – не ясно. Но, по мнению А.А. Формозова, инициатива должна была исходить “сверху” и преследовала определенные далеко идущие цели [Формозов, 1996, с. 198]. По крайней мере, в скором времени начинающему ученому Равдоникасу было позволено диктовать методы работы всей советской археологии, а его имя навсегда запечатлелось в истории “готского вопроса”. Пик его деятельности в ГАИМК пришелся на первую половину 30-х гг. Начал же он свою научную карьеру в Ленинграде сотрудником музея Антропологии и этнографии, поддерживавшего изучение Эски-Кермена – “Дороса”, одновременно являясь аспирантом АН. По-видимому, именно Н.И. Репников, сетовавший на непрофессионализм Р.Х. Лепера и косность ГАИМК в “готском вопросе”, приобщил В.И. Равдоникаса к своей теме. Еще до зачисления в ГАИМК весной 1929 г. В.И. Равдоникас, никогда прежде не занимавшийся средневековым Таврикой, на заседании Крымского комитета ГАИМК поднял проблему истории и перспектив изучения “пещерных городов” полуострова. А затем он сделал знаменитый доклад “Об археологическом наследии”, опубликованный спустя год в виде брошюры под громким названием “За марксистскую историю материальной культуры” [Формозов, 1996, с. 197; Равдоникас, 1930], проявив себя как мастер полемического жанра с жесткими высказываниями в духе “воинствующего марксизма”. Тандем “Репников-Равдоникас” сам по себе примечателен: с одной стороны – археолог-эмпирик “старой школы” не принятый коллегами, с другой – начинающий ученый-марксист, критикующий и не приемлющий эту самую [старую школу]. В какой-то степени их объединяла [революционность] идей и взглядов, помноженная на противостояние с ГАИМК. Для Равдоникаса, ставшего помощником Репникова “по линии раскопок” [Теркель, 2008, с. 332], крымско-готская тема сделалась плацдармом для апробации марксистских идей в археологии, а для Репникова было просто необходимо дань новую жизнь “готскому вопросу”. В 1929 г. Репников продолжил

свои работы на Эски-Кермене с удвоенной энергией. Как и ожидалось в 1929 г. были открыты склепы VI-VII вв., сходные с захоронениями Суук-Су, найдены деформированные “готские” черепа, обнаружены участки разобраных ранневизантийских оборонительных стен. Все это предполагалось продемонстрировать немецкой делегации. Как потенциальный куратор совместной экспедиции С.Ф. Платонов летом прибыл в Крым, намереваясь сам встречать группу германских ученых, возглавляемую профессором Йозефом Зауером [Непомнящий, 2006, с. 159]. Изначально планировалось использовать в качестве переводчика Н.Л. Эрнста. Но поскольку его отношения с Репниковым так и не наладились, АН подыскала ему возможную замену в лице русского востоковеда немецкого происхождения Александра Михайловича [Густава-Германа] Мервардта (1884-1932) [Исповедь узника ОГПУ, 1992, с. 124]. Между тем непредвиденные обстоятельства изменили планы академика, заставив в срочном порядке вернуться в Ленинград и перепоручить заботу о делегации А.И. Маркевичу [Непомнящий, 2006, с. 160]. В начале осени профессор Йозеф Зауер побывал на Эски-Кермене, осмотрел раскопки, был крайне удовлетворен их ходом и результатами и даже встретился с группой приазовских греков, специально приехавших по этому случаю [Араджиони, 1999, с. 24]. Репников и Эрнст вели себя подчеркнуто корректно [Непомнящий, 2006, с. 161]. Побывал на городище и И.Э. Грабарь. Казалось, совместная экспедиция АН, МАЭ и ЦГРМ с участием германских ученых - вопрос решенный, но реальность оказалась иной. Платонов не случайно внезапно уехал из Крыма. В Академии наук начиналась очередная “чистка”, апогеем которой в следующем году стало громкое “Академическое дело” или “Дело Платонова-Тарле”. По делу историков проходило 150 человек, включая: члена- корреспондента Ю.В. Готье, академиков Е.В. Тарле, С.Ф. Платонова и Н.Л. Лихачева, поддерживавших Репникова в поисках готской столицы на Эски-Кермене [Формозов, 1996, с. 192].

Еще весной 1929 г. В.Ф. Кипарисов заявлял, что вся археологическая деятельность должна концентрироваться исключительно в

ГАИМК. Н.И. Репникову предлагалось передать в ГАИМК контроль над раскопками, но Николай Иванович, когда-то страстно желавший быть ее сотрудником, теперь всячески от этого уклонялся. До тех пор пока на работу его не пригласил сам председатель – Н.Я. Марр, пообещав сделать руководителем раскопок на Эски-Кермене. Так 1 декабря 1929 г. Репников, а вместе с ним и Равдоникас, становятся сотрудниками ГАИМК [Теркель, 2008, с. 332-333]. Возможно Марр, сам тяготевший к “революционным” идеям в науке, не остался равнодушным к “новаторам”, а возможно был лучше других осведомлен: Академия наук в ее прежнем виде доживает последние месяцы.

В ночь с 12 на 13 января С.Ф. Платонов вместе с дочерью был арестован. Сфабрикованное “Академическое дело” имело политическую подоплеку и было призвано сломить негласное сопротивление старой научной интеллигенции, прежде всего гуманитариев никак не желавших становиться на “марксистские рельсы”. Идеологическую базу обеспечивал замнаркома просвещения официальный историк - марксист М.Н. Покровский (1868-1932) [Формозов, 1998, с. 194]. ОГПУ же оставалось лишь наполнить дело “фактами” о монархических заговорах, шпионаже и тому подобной атрибутикой. Вся эта бредовая мишура в ходе следствия могла и отпасть, а потому самым опасным фактом оказалась подлинная “эски-керменская” история сотрудничества с немцами. Дальше было дело, так сказать, “следственной техники”. Главой шпионской сети ОГПУ “назначило” А.М. Мервардта, якобы собиравшего сведения для германской разведки. В его агентах на местах числились геологи и краеведы, в том числе и хранитель краеведческого музея в Севастополе – П.П. Бабенчиков. Для “фактической” стороны пригодилась и составленная им некогда археологическая карта района “пещерных городов” (якобы, по заданию германского Генштаба) и вовсе несекретные атласные карты севастопольских окрестностей, опрометчиво переданные С. Платоновым Ф. Брауну [Исповедь узника ОГПУ, 1992, с. 124]. Попал под подозрение и престарелый А.И. Маркевич.

Ни Н.И. Репников, ни В.И. Равдоникас в ходе “Академического дела” не пострадали, в отличие от их оппонентов из Крымского комитета ГАИМК. Оказалось, Е.Ч. Скржинская и М.А. Тиханова, несколько раз присутствовали на заседаниях “Кружка молодых историков”, в который входила дочь Платонова, они также проходили по “Делу А.А. Мейера”, как участники религиозно- философского “Кружка Гревса и Добиаш-Рождественской. “Византийские дамы”, как называл их А.А. Васильев [Куклина, 1995, с. 321], были уволены, а Репников записал: “Судьбы изменчивы! Крымский комитет, громивший готскую гипотезу, отошел в область прошлого” [Теркель, 2008, с. 335].

Становится очевидным, что в это время “готский вопрос”, хотя и попадает в орбиту внутренней политики, но используется лишь как инструмент, избобличающий, когда это требовалось, современные связи с Германией. Объектом идеологического противостояния в СССР он еще не стал.

Раскопки Эски-Кермена не отменили. Теперь их вела ГАИМК, притом, по настоянию Репникова, совместно с ЦГРМ. Официальное руководство принял на себя известный историк искусства, профессор ЛГУ – Федор Иванович Шмит (1877-1937), возглавлявший в это время разряд средневековых культур Европы и Передней Азии ГАИМК.

Итак, готское направление исследований в эти годы никто не запрещал. Но причастные к нему сознавали: не за горами то время, когда оно предстанет в ином, далеко не безобидном формате. Напряженность в отношениях СССР и Германии, захваченной национально-патриотической волной, неуклонно возрастала. Чтобы защитить “готскую тему” следовало приложить немалые усилия и выработать нетривиальную позицию, которая впредь не позволила бы Германии разыграть “готскую карту”.

В этом значительную роль сыграл В.И. Равдоникас. Думается, он в те годы искренне считал, что в условиях “большого перелома” старые подходы исчерпали свой потенциал и не способствуют развитию науки в условиях социалистического общества. В конце 1930 г. ГАИМК опубликовала брошюру Равдоника-

са “За марксистскую историю материальной культуры”, подготовленную на основе уже упоминавшегося доклада 1929 г. [Равдоникас, 1930]. В ней он подверг критике эмпиризм, присущий “старой” археологической школе, который, по его мнению, стал “ширмой для уклонения от марксизма” [Равдоникас, 1930, с. 53, 55]. По заявлению Равдоникаса, на Западе “на археологическом материале доказывается превосходство одних наций над другими и археология превращается, как совершенно откровенно подчеркнул Косина в “выдающуюся” национальную науку, обслуживающую империалистические тенденции буржуазии”, а культурные изменения объясняются при помощи “вытеснения одной народности другой, теорией связанной с теорией миграций” [Равдоникас, 1930, с. 27]. В нынешнем состоянии “теория мигрирующих народов носителей и распространителей всегда высшей культуры, есть ступок идеологии империализма” [Равдоникас, 1930, с. 31]. Исполдволь автор подводил к мысли: выход из тупика лежит во внедрении марксизма в археологию и адаптации историками материальной культуры “нового учения о языке”, разработанного руководителем ГАИМК – Н.Я. Марром [Равдоникас, 1930, с. 21].

Дискуссии о месте, роли и методах археологии в советской науке характерная черта той эпохи [Клейн, 1993, с. 20-23]. Здесь же сталкиваются две важных парадигмы: “автохтонизм” (в лице учения “марксиста” Марра) и “диффузионизм-миграционизм” (в изложении германского националиста Густава Косинны). Это противопоставление, подкрепленное политико-идеологической составляющей, несколько десятилетий проявлялось в отечественной археологической науке. Если не брать во внимание бойцовскую классовую риторику В.И. Равдоникаса и учесть его сопричастность к судьбе “крымско-готского вопроса”, выглядит вероятным, что удар был рассчитан не столько по безобидному типологическому методу, сколько по пангерманистским воззрениям Косинны, представлявшим гораздо большую и вполне реальную опасность.

Густав Косинна готами специально не занимался. Будучи не силен как историк, он

предпочитал реконструировать миграции “нордической расы” в дописьменную эпоху [Клейн, 2003, с. 109-114]. Еще до войны между последователями Косинны и его польским учеником Ю. Костшевским разгорелась бурная дискуссия о принадлежности предкам германцев или славян лужицкой археологической культуры. Но это был не только научный спор. Он тут же был переведен в плоскость “исторического права” на Силезию и “польско-висленский коридор”. Советские ученые пока стояли над схваткой между нацистской Германией и буржуазной Польшей, а В.И. Равдоникас даже иронизировал по этому поводу [Равдоникас, 1932, с. 19-35], но предупреждал: после фашистского переворота германские археологи организованы наподобие “штурмовых отрядов”, а их деятельность полностью подчинена политическим целям нацистов [Равдоникас, 1935, с. 140]. “Чрезвычайно национальная наука” в трактовке Косинны становилась частью идеологии Рейха. Рано или поздно она должна была коснуться и СССР, в том числе “области

крымских готов” и территории “полей погребальных урн”. Древности черняховского и зарубинецкого типа еще в 1906 г. Пауль Райнеке отнес к разряду германских в противовес славянской версии их первооткрывателя – В.В. Хвойки [Щукин, 2005, с. 153].

Памятью о научном партнерстве Н.И. Репникова и В.И. Равдоникаса, невольно возникает мысль, что последний стремился доступными ему способами защитить само направление готских исследований, направив его в “правильное” русло, тем самым обезопасив любимое детище своего старшего коллеги от политических инсинуаций.

После громкого “Дела Платонова-Тарле” не только Академия наук подверглась “чистке”. Фактически полностью было уничтожено краеведческое движение, казавшееся пристанищем “буржуазных элементов”. Прошла реорганизацию и ГАИМК, в стенах которой теперь активно внедрялось “новое учение о языке” Н.Я. Марра. Именно тема Крымской Готии в начале 30- гг. XX в. стала полигоном для его апробации в археологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов В.М.** История одного мифа. Марр и марризм – М.: Наука, 1991. – 240 с.
- Араджиони М.А.** Греки Крыма и Приазовья: история изучения и историография этнической истории и культуры (80-е гг. XVIII в. – 90-е гг. XX в.). – Симферополь: Амена, 1999. – 132 с.
- Бабенчиков П.П.** Раскопки феодального города в Крыму // Наука и жизнь. – № 6. 1939. – С. 22-25.
- Брун Ф.К.** Черноморские готы и следы их долгого пребывания в Южной России // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. – Ч. 2. – Одесса, 1880. – С. 189-241.
- Васильев А.А.** Готы в Крыму // ИРАИМК. – Ч. 1. – 1921. – С. 1-80.
- Васильев А.А.** Готы в Крыму // ИГАИМК. – Ч. 2. – 1927. – С. 179-282.
- Герцен А.Г.** Н.И. Репников о Мангупе // Историческое наследие Крыма. – № 22-23. – 2008. – С. 311-320.
- Заморяхин А.В.** А.А. Васильев и его место в историографии крымских готов // Историк и его дело. Серия памяти профессора В.Е. Майера. – Вып. 4. – 2005. – С. 129-140.
- Заморяхин А.В.** Ранний период изучения области расселения крымских готов (конец XVIII – 30-е гг. XIX вв.) // Вестник Пермского университета. – Вып. 3(8). – 2007. – С. 149-160.
- Зуев В.Ю.** М.И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 50-83.
- Исповедь узника ОГПУ.** Исповедь узника ОГПУ (Неизвестная рукопись академика С.Ф. Платонова) // Вестник РАН. – № 9. – 1992. – С. 118-128.
- Клейн Л.С.** Феномен советской археологии. – СПб.: Фарн, 1993. – 135 с.
- Клейн Л.С.** Археология в седле (Косинна с расстояния в 70 лет) // STRATUM plus [Время великих миграций]. – № 4. – 2000. – С. 88-140.

- Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю.** От Скифии к Готии. – Симферополь, 2004. – 248 с.
- Куклина И.В.** А.А. Васильев: “труды и дни” ученого в свете неизвестной переписки // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. – СПб.: Дмитрий Булавин, 1995. – С. 311-338.
- Куфтин Б.А.** Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. – Часть 1. Мусульмане. – Симферополь: Магистр, 2005. – С. 227-558.
- Лебедев Г.С.** История отечественной археологии 1700-1917 гг. – СПб., 1992. – 463 с.
- Непомнящий А.А.** “Пока оберегаем и спасаем...”: неизвестные материалы по истории крымоведения в переписке А.И. Маркевича и академика С.Ф. Платонова // Историческое наследие Крыма. – № 16. – 2006. – С. 138-165.
- Пиоро І.С.** Складна доля археолога (до 85-річчя Євгена Володимировича Веймарна // Археологія. – 1990. – № 4. – С. 144-148.
- Петров Г.И.** Потомки готов в Советском Крыму // Вестник знания. – № 7. – 1929. – С. 296-297.
- Платонова Н.И.** Николай Яковлевич Марр – археолог и организатор археологической науки // Археологические вести 1996-1997 гг. – № 5. – 1998. – С. 371-382.
- Платонова Н.И.** Российская Академия истории материальной культуры. Этапы становления (1918-1919 гг.) // СА. – № 4. – 1989. – С. 5-16.
- Равдоникас В.И.** За марксистскую историю материальной культуры // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. – Т. 7. – Вып. 3-4. 1–930. – 94 с.
- Равдоникас В.И.** Археология на службе у империализма // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. – № 3-4. – 1932. – С. 19-35.
- Равдоникас В.И.** Археология в Германии после фашистского переворота (Manus 1933, №№ 1-3, 1934, №1-2) // СЭ. – № 1. – 1935. – С. 140-145.
- Репников Н.И.** Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. – Вып. 19. – 1906. – С. 1 -80.
- Репников Н.И.** Некоторые могильники области крымских готов // ЗООИД. – Т. 27. – 1907. – С. 101-148.
- Репников Н.И.** Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. // ИГИМК. – Т. 12 [Готский сборник / Krim Gotica]. – 1932. – С. 107-152.
- Ростовцев М.И.** Эллинство и иранство на юге России. – Пг.: Огни, 1918. – 190 с.
- Ростовцев М.И.** Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. – Л.: РАИМК, 1925. – 622 с.
- Ростовцев М.И.** Сарматы (из главы “Сарматы и парфяне”) // ПАВ (СКУОКА. Избранные работы академика М.И. Ростовцева). – № 5. – 1993. – С. 91-97.
- Спицын А.А.** Вещи с инкрустацией из керченских катакомб 1904 г. // ИИАК. – 1905. – Вып. 17. – 1905. – С. 115-126.
- Теркель Е.А.** “Не закрываю глаз на сложность, трудность и ответственность предстоящей работы в области охраны и изучения памятников Крыма...”. Письма Н.И. Репникова к И.Э. Грабарю // Историческое наследие Крыма. – № 22-23. – 2008. – С. 321-335.
- Тункина И.В.** М.И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 84-123.
- Тункина И.В.** Н.Я. Марр и Ф.А. Браун: история взаимоотношений (1920-1925 гг.) // STRATUM plus [Время великих миграций]. – № 4. – 2000. – С. 384-391.
- Филимонов С.Б., Храпунов И.Н.** Николай Львович Эрнст – исследователь истории и древностей Крыма // МАИЭТ. – Вып. 5. – 1996. – С. 242-255.
- Формозов А.А.** К столетнему юбилею В.И. Равдоникаса // РА. – № 3. – 1996. – С. 197-202.
- Формозов А.А.** Русские археологи и политические репрессии 1920-1940 гг. // РА. – № 3. – 1998. – С. 191-206.
- Харитонов С.В.** Древний город Эски-Кермен. Археология, история, гипотезы. – СПб., 2004. – 160 с.

Штерн Э.Р. К вопросу о происхождении “готского стиля” предметов ювелирного искусства // Записки Одесского общества истории и древностей. – Т. 20. – 1897. – С. 1-15.

Щукин М.Б. Готский путь. – СПб., 2005. – 575 с.

Эрнст Н.Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. – Т. 3(60). – 1929. – С. 15-43.

Вауе Ж. De l'influence de l'art des Goths en Occident // Communication faite au Congrès historique et archeologique de Liège (aout 1890). – Paris: Librairie Nilsson, 1891. – С. 1-7.

Салин В. Die Altgermanische Thierornamentik. – Stockolm: K.L. Beckmans Buchdruckerei, 1904. – 384 с.

Yurochkin V.Yu.

“Gothic question” in the soviet science in the 20th of XX century

This period of the development of Soviet archaeological science is characterized by the creation of problem situation concerned the so-called “gothic question” in Crimean history. The history of investigations of “gothic question” reflects both objective factors of the archaeological science development and influence of the social and political life of the USSR.

Keywords: *Crimea, Principality of Theodoro, Goths, archaeological science.*

Юрочкін В.Ю.

“Готське питання” в радянській науці 20-х рр. XX ст.

Розглядається період розвитку археологічної науки в СРСР, що пов'язаний з формуванням проблемної ситуації навколо так званого “готського питання” в історії Криму. У вивченні “готського питання” відобразилися не лише об'єктивні чинники розвитку археологічної думки, але і зовнішні впливи з боку суспільно-політичного життя СРСР.

Ключові слова: *Крим, Феодоро, готи, археологічна наука.*

Статья поступила в редакцию в ноябре 2011 г.